

Барсукова Е. В.

ТРАГЕДИЯ А. Н. ГРУЗИНЦЕВА "ЭДИП-ЦАРЬ": АНТИЧНЫЙ МИФ В ХРИСТИАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 24-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

основу для этих технологий, без которой они невозможны и с которой они неразрывно связаны, делая организацию личностью, с которой можно и хочется вести диалог, что и способствует успеху как в социальной и политической деятельности организации (сфера ответственности работы по связям с общественностью), так и в экономической (ответственность маркетинговых коммуникаций).

Список использованной литературы

1. **Крылов А.Н.** Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М., ИКАР, 2004.
2. **Шмит Бернд.** Эмпирический маркетинг. Пер. с англ. К. Ткаченко. М., Пресс, 2001.
3. **Birkigt K., Stadler M.M., Funck H. J. (Hrsg.)**. Corporate Identity: Grundlagen, Funktionen, Fallbeispiele. 11, ueberarb. und aktualisierte Aufl. Muenchen: Redline Wirtschaft bei Verl. Modeme Industrie, 2002.
4. **Olins Wally.** Corporate Identity. Thames and Hudson. 1989; International Corporate Identity. Trafalgar Square. 1995; On Brand. Thames and Hudson, 2003.

ТРАГЕДИЯ А. Н. ГРУЗИНЦЕВА «ЭДИП-ЦАРЬ»: АНТИЧНЫЙ МИФ В ХРИСТИАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Барсукова Е. В.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

В начале XIX века отечественная драматургия отметилась появлением целого цикла драматических произведений, относящихся к так называемому «эдипову сюжету» («Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» В.Т.Нарежного, «Эдип в Афинах» В.А.Озерова, «Антигона» В.В.Капниста и «Эдип-царь» А.Н.Грузинцева). Чем же так привлекал русских литераторов и отечественную публику миф об Эдипе? На наш взгляд, очень точно на этот вопрос ответил В. Я. Пропп: «Страданием героя» [Пропп 2002: 187]. Именно здесь мы обнаруживаем ключ к тому, что сюжет был воспринят христианством и стал христианской легендой. Восприятие инцеста как некоего абсолютного преступления, мужественное принятие героем своей судьбы и его посмертное превращение в местночтимого святого - всё это позволило применить фаталистический миф античной древности в качестве одного из образцов для легенд о так называемых святых грешниках (папа Григорий, Андрей Критский, Иуда-предатель).

Кроме того, в России XIX века активно обсуждалась проблема семьи. Во второй половине XIX века появились произведения о так называемых «проклятых», «выморочных» семействах («Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского, «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрин, «Дети Ванюшина» С.А.Найдёнова). Но их предшественниками были, безусловно, указанные драмы начала века. Обращение к «роковым» родам было отнюдь неслучайным. Ещё Аристотель в «Поэтике» отмечал, что когда человек убивает врага, то это ещё не трагедия: оно правдоподобно, но не пробуждает в человеке ни сострадания, ни страха. Античный мудрец советует отдавать предпочтение тем из ряда вон выходящим событиям, в которых участвуют близкие между собой люди [Аристотель 2000: 44]. Борьба внутри семьи даёт удобное, хотя и страшное, обоснование для построения замкнутой коллизии, причины которой как бы не выходят за пределы семьи и поэтому обозримы для читателя. Противоречия в семье стягивают внутри себя противоречия мира.

Среди произведений, в основу которых легла тема Эдипа и его злосчастливого рода, особо следует отметить драму А.Н.Грузинцева «Эдип-царь». Своё обращение к античному материалу драматург объяснял следующим образом: «Греки всегда будут иметь первое место у стихотворцев как изобретатели той науки, в которой иначе нельзя никому успеть, как чрез подражание им» [Стихотворная трагедия 1964: 519]. Выбор же мифа об Эдипе был обусловлен дидактическими целями классицизма, которых придерживался драматург. «Нравоучение Эдипа принадлежит ко всем временам и народам; любопытство проникать будущее и суеверие всегда и везде влекли за собой плачевные следствия» [Стихотворная трагедия 1964: 517].

Главная тема трагедии - торжество рока над человеком, наказание за нарушение законов Провидения. «Судьба доказала, сколь пагубно человеку проникать в тайны предбудущего, которое от нас божественная премудрость закрыла непроницаемой завесой» [Стихотворная трагедия 1964: 518].

Начало трагедии «Эдип-царь» представляет собой моление народа, обращённое к богам с просьбой положить конец напастям Фив. В городе, похожем на гробницу, царит мор. Дельфийский оракул объясняет причину гнева бессмертных: «Лайи был убит, и Лайи не отмщён! / Доколь не совершит рок казнь его убийцы, / Не изженется смерть из Кадмовой столицы» [Стихотворная трагедия 1964: 522]. Таким образом, А.Н.Грузинцев, в отличие от В.А.Озерова и В.Т.Нарежного, обращается в своей трагедии именно к роковой судьбе Эдипа. Через всю драму проходит мысль о фатуме, неумолимо преследующем злосчастливого героя. Драматург неуклонно ведёт читателя по пути раскрытия невольных тяжких преступлений.

Эдип всеми силами стремится найти и наказать преступника, не подозревая, что сам является злодеем. Он даже готов пожертвовать своей жизнью и жизнью своих детей ради спасения города. Услышав страшную клятву, словно предвидя грядущие бедствия, первосвященник предостерегает Эдипа: «Какую клятву ты дерзнул произнести, / О, царь, не испытуй пророческих вещаний, / Постигнув их, страшись лютейших наказаний» [Стихотворная трагедия 1964: 537]. Постепенно тягостные сомнения закрадываются в душу Эдипа: история гибели Лая, рассказанная ему Иокастой, удивительно схожа с историей его столкновения с тремя незнакомцами, к тому же её «погибшему» сыну была предсказана такая же судьба: отцеубийство и инцест.

У А.Н.Грузинцева образ Эдипа свободен от всякой сентиментальности, что связано с тяготением драматурга к сильному драматизму, к изображению мужественных характеров, столь отличных от элегически чувственных персонажей В.А.Озерова. Это - трагический образ героя, участь которого внушает ужас и сострадание.

В трагедии А.Н.Грузинцева, как и у Софокла, Иокаста является также главной героиней наряду с Эдипом. Рок карает её преступление: она попыталась опередить события, узнать судьбу сына, но тем самым, словно Пандора, выпустила все напасти в свою жизнь и в жизнь сына. Услышав страшное предсказание (сын сразит отца и к матери взойдёт на ложе), Иокаста повелела умертвить ребёнка. У Софокла избежать зловещих предсказаний пытается Лаий, у А.Н.Грузинцева это преступление лежит на Иокасте, которую и настигает кара за «роковую» ошибку: узнав судьбу, она хочет уклониться от предначертанного.

С момента предвещения оракула фатальные случайности начинают стягиваться в одну точку и обрушивать свои удары на Эдипа. Он поражён удивительным совпадением истории жизни Иокасты с его собственной судьбой. Уцелевший свидетель убийства Лая - старец Тирезиас - узнаёт в нём убийцу. Наставник и друг Икар сообщает о смерти Полиба, которого Эдип считал своим отцом, о том, что Эдип - приёмный ребёнок, и трон уже занят законными наследниками. Как следствие, раскрывается тайна рождения и преступления, которую «скрывало небо тьмою». Появление каждого нового лица в трагедии разворачивает действие как запутанный клубок. Всё подчинено одной идее - разоблачению преступления и наказанию за него. Каждый герой - очередное наступление рока.

В трагедиях Софокла, В.Т.Нарежного, В.А.Озерова достаточно подробно разработана общественно-политическая линия: прописаны образы добродетельного правителя и тирана. У А.Н.Грузинцева эта тема сформулирована согласно взглядам классицизма: преступный человек не может быть достойным правителем. Эдип, будучи добродетельным правителем, узнав о своём преступлении, сам отказывается от венца: «Я ужаснее, чем Тартара тираны» [Стихотворная трагедия 1964: 557].

Те душевные терзания, которые испытывает Эдип, подобны, по Платону, многократной смертной казни, которой заслуживает родителеубийца. Кровавая тень отца и мстительные фурии - помощники карающего рока - уже приблизились к своей жертве. В кровосмесительстве древние видели нарушение тайн крови. Кровь, которая несёт в себе тайны человека, не может видеть солнца - она свёртывается и чернеет, будучи пролита. Так и Эдип, познавший тайны крови, не имеет права видеть солнца - он выкалывает себе глаза.

Но это не последние удары фатума, которые предначертаны «чадам кадмейским». «Слепой» Эдип «предрекает» возмездие, грозящее его детям: «Полиник, Эфеокл, Антигона и Исмена / Вам рок судил страдать и дни вести безбрачны. / Быть может, гнев богов в последующее время, / Постигнувший отца, прострётся и на племя!» [Стихотворная трагедия 1964: 564]

Философский смысл трагедии выражает в последней сцене первосвященник: «И царь, и раб одной подвержены судьбине. / Из общих жизни зол никто не исключён, / И подданный, и царь страдать на свет рождён» [Стихотворная трагедия 1964: 565]. Но хотя драма «Эдип-царь» полна мрачных, кровавых событий, А.Н.Грузинцев, следуя законам классицизма, оставляет в конце трагедии «надежды луч»: «Утешьтесь, человеки, / По бурям боги нам пошлют златые веки!» [Стихотворная трагедия 1964: 565]

«Грех» в трагедии А.Н.Грузинцева понимается не просто как обыденное нарушение заповедей, но проступок чрезвычайный, затрагивающий самые основы человеческого общежития (отцеубийство и кровосмешение). Толчком к перевороту в душе героя становится внезапное осознание им своего исключительного нравственного падения. Чрезвычайность прегрешения требует столь же невероятных форм покаяния (ослепление).

На наш взгляд, внимание к «эдипову сюжету» в отечественной литературе объясняется не только интересом к драматической судьбе человека; значимой оказывалась сама поставленная в повестях о кровосмесителе проблема греха, раскаяния и милосердия, актуальность которой для русского менталитета очевидна.

Список использованной литературы

1. **Аристотель.** Поэтика. Риторика. Вступительная статья и комментарии С. Ю. Трохачёва. Перевод с греческого В. Аппельрота, Н.Платоновой. СПб.: «Азбука», 2000.- 352 с.
2. **«Вечные» сюжеты русской литературы:** «Блудный сын» и другие: Сборник научных трудов. / Институт филологии СО РАН; Отв. ред. Е.К.Ромодановская, В. И. Тюпа. - Новосибирск, 1996. - 180 с.
3. **Пропп, В.Я.** Собрание трудов: Фольклор. Литература. История. М., 2002.
4. **Стихотворная трагедия конца XVIII века - начала XIX века** / Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.А.Бочкарёва. М.,-Л.: «Советский писатель», 1964.- 630 с. - (Библиотека поэта. Большая серия).

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В «ЭРОТИДЕ» А. ВЕЛЬТМАНА

Барыкина А. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

А. Пушкин и А. Вельтман были современниками, и, безусловно, открытия Пушкина не могли пройти мимо Вельтмана. Докажем это, рассмотрев новеллу «Эротиды» А. Вельтмана и ряд произведений А. Пушкина.